

Европа от Карла Великого до Крестовых походов. Общество. Культура. Религия

Автор:

[Эрнест Лависс](#)

Европа от Карла Великого до Крестовых походов. Общество. Культура. Религия

Эрнест Лависс

Альфред Рамбо

Всемирная история (Вече)

Э. Лависс и А.Н. Рамбо – выдающиеся французские историки и общественные деятели XIX – первой четверти XX века. Их книга уникальна в том отношении, что интересна всем – и профессионалам, и любителям истории Средневековья. Она неоднократно переиздавалась и, невзирая на то что науки о прошлом ушли за столетие далеко вперед, создает достаточно полный, яркий и наглядный образ средневековой Европы, а потому, несомненно, привлечет внимание читателей.

Эрнест Лависс, Альфред Рамбо

Европа от Карла Великого до Крестовых походов. Общество. Культура. Религия

К изданию 2019 г

Эрнест Лависс и Альфред Никола Рамбо, выдающиеся французские историки и общественные деятели XIX – первой четверти XX века, стали собирателями

уникального во многих отношениях исторического многотомника, который известен под названием «Всеобщая история с IV столетия до нашего времени». Русский перевод первых восьми томов был издан еще в 1897–1903 гг. Переводчиком стал Михаил Осипович Гершензон (1869–1925), один из ярких филологов и переводчиков того времени, первый председатель Всероссийского союза писателей (1917), исследователь наследия декабристов, споров между славянофилами и западниками, друг В. Иванова и А. Белого. Это само по себе означало высокое качество переводимого материала и может служить своеобразной гарантией прекрасного перевода. Что действительно правда: «Всеобщая история...» до сих пор не устарела и может служить прекрасным пособием, справочным изданием и просто книгой для людей, интересующихся самыми разными сторонами жизни Средневековья, в данном случае – от момента возникновения «классического» феодализма до завершения эпохи Крестовых походов. В этой книге, которая представляет собой часть многотомного труда, речь идет в первую очередь об общественной жизни и отношениях, о культурной составляющей того времени, когда в Европе слова «дух» и «вера» наполнялись возвышенным смыслом и соответственно воспринимались людьми из самых разных социальных слоев.

Глава 1

Феодальный порядок от его возникновения до конца XIII в.

В странах, составлявших империю Карла Великого, произошел в течение X в. глубокий переворот, подробности которого нам неизвестны из-за отсутствия документальных данных. Когда мрак начинает проясняться – около конца XI столетия, – общество и государство оказываются преобразованными. Эту-то новую организацию историки и назвали феодальным порядком. Она возникла в тот темный период, который следовал за распадением Каролингской монархии, и сложилась медленно, без вмешательства государственной власти, без помощи писаного закона, без какого бы то ни было общего соглашения между частными людьми, – исключительно вследствие постепенного преобразования обычаев, которое произошло, хотя с некоторой разницей во времени, но почти одинаковым образом, во Франции, в Италии, христианской Испании и Германии. Позже она была перенесена в Англию и Южную Италию – в конце XI в., в латинские государства Востока – в XII и XIII вв. и в Скандинавские страны – в

конце XIV столетия.

Эта система, образовавшаяся, так сказать, путем естественного роста, без всякого общего плана, никогда не была единообразна и никогда не функционировала вполне правильно. Ее невозможно резюмировать в совершенно точной таблице, ни один из обычаев этого времени не укладывается в формулу, которая была бы строго верна, о ней нельзя высказать ни одного общего положения, которому не противоречили бы множество частных случаев. Поэтому еще ни один ученый не отважился выступить с общим сочинением о феодальном порядке. Единственное, на что может в настоящее время решиться ученый, это попытаться собрать те особенности общественного строя и обычаев, которые были наиболее распространены в феодальных государствах в период X–XIII вв.

Во всей империи Карла Великого господствовали над обществом и созидали его следующие три фактора: крупное землевладение, обязанность светских собственников вооружаться и вести войну за свой счет и положение духовенства как собственника.

Общество разделилось на два класса: на массу крестьян, водворенных в крупных поместьях, и на землевладельческую аристократию, состоявшую из двух групп: из военных людей и людей церкви[1 - Жители городов (bourgeois) составляют, начиная с конца XI в., особый класс, средний между крестьянством и знатью. Но города возникают уже после установления феодального порядка и даже содействуют его уничтожению, поэтому их можно оставить в стороне.].

Крестьяне

Крупные поместья. Деревня. Крепостные. Отпущение на волю. Свободные крестьяне. Сеньориальная эксплуатация. Платежи. Помещичьи права. Судебные пошлины. Повинности. Барщина. Управитель. Характер и размеры сеньориального режима.

Крупные поместья. Начиная с IX в. в Каролингской империи более не остается мелких собственников, которые сами обрабатывали бы свою землю, исключая, может быть, городские округа юга и отдаленные области, лежавшие в высоких горах или на берегу моря. Почти вся земля принадлежит крупным собственникам, которые сами не работают. Так как она представляет небольшую ценность, то она разделена на поместья, по объему превосходящие все, что мы теперь называем крупной собственностью; их можно сравнить только с вотчинами русских помещиков до уничтожения крепостного права или с плантациями Соединенных Штатов в эпоху невольничества.

Поместье занимало всю территорию современной нам деревни. Большинство современных коммун Франции суть не что иное, как древние поместья, и многие из них сохранили даже свои названия (Clichy, Palaiseau, Issy, Ivry и др.).

В каждом поместье земля была разделена на две части различной величины. Меньшая часть (обычно земля, смежная с господским домом) составляла запас, который собственник удерживал за собой, чтобы эксплуатировать ее непосредственно и в свою пользу; это была господская земля (*indominicata*). Все, что она производила, принадлежало собственнику. На ней находился господский дом, в котором жил или сам владелец, или, по крайней мере, его приказчик.

Остальная часть поместья была распределена между известным количеством крестьянских семейств, водворенных в поместье. Они жили обычно в избах, скученных возле господского дома наподобие деревни. Каждая семья обрабатывала из рода в род один и тот же участок земли, состоявший из нескольких клочков, разбросанных по всему поместью. Урожай принадлежал крестьянам, но взамен они обязаны были платить оброк и оказывать услуги собственнику и жили в зависимости от него.

Размеры оброка и услуг были разнообразны до бесконечности, смотря по договорам, заключенным вначале, или по местным обычаям; никакой закон не определял ни размера повинностей, которые собственник мог налагать на своих крестьян, ни количества земли, которое он обязан был дать им. Но чрезвычайно однообразные условия жизни привели к установлению почти везде весьма сходных порядков.

Эту организацию мы встречаем уже в описи имущества аббатства Сен-Жермен-де-Пре, составленной в конце царствования Карла Великого. Каждому поместью посвящена глава, в которой перечислены сначала запасная земля собственника

и сбор с нее, затем крестьяне, их семейства, размеры участка, который держит каждый крестьянин, оброк и барщина. Вот, например, опись поместья Палезо: «В Палезо есть господская земля с домом и другими нужными строениями. Там есть 6 полос пахотной земли, содержащих 287 боннье, на которых можно посеять 1300 четвериков хлеба; под виноградником находится 127 десятин, которые могут дать 800 мер вина, под лугом – 100 десятин, с которых можно получить 150 возов сена. Лес, в котором можно выкормить 50 свиней[2 - Наиболее употребительное мясо в ту эпоху – свинина; лес (дубовый) рассматривается главным образом как пастбище для свиней. Так было даже еще в XVIII в. в Хорватии и Сербии.], имеет, круглым счетом, одну милю в окружности. Есть три мельницы, которые приносят оброк в 154 четверика. Есть церковь со всеми принадлежностями...»

«Вальфрид и его жена, колоны, родом из Сен-Жермена, имеют при себе двух детей по имени... Он занимает 2 свободные мансы[3 - Слово *mansa* – латинского происхождения и первоначально обозначало, вероятно, дом (*manere*). В диалектах юга оно превратилось в *mas*: от уменьшительной формы произошли так часто встречающиеся на юге имена *Mazel*, *Mazet*.]. За каждую мансу он платит 1 быка, вспахивает под озимь 4 перши, отбывает барщину, извоз и заделную работу, когда ему прикажут, платит 3 цыпленка и 15 яиц... Эрмон и его жена, колоны, родом из Сен-Жермена, имеют при себе пятерых детей... Он занимает одну свободную мансу, в которой пахотной земли 10 боннье, виноградника 2 десятины, луга 1/2 десятины. Платит столько же», далее следуют 110 подобных статей о колонах, занимавших по одной мансе.

«Мавр, крепостной, и его жена, свободная, люди из Сен-Жермена, имеют при себе двух детей... Гентольд, колон из Жермена. Эти люди занимают 1 крепостную мансу, содержащую 2 боннье пахотной земли, 2? десятины виноградника, 1? десятины луга. Они отбывают барщину на 8 десятинах виноградника, доставляют обычные меры вина, 2 сетье горчицы, 3 курицы, 15 яиц, отбывают заделную работу, барщину, извоз...»

Глава о поместье Палезо оканчивается так: «Это составляет всего 117 манс, как свободных, так и крепостных».

Поместье, исключая запасную землю, которую собственник эксплуатирует непосредственно при помощи барщины, разделено на держания (мансы), распадающиеся здесь на две группы: на свободные – большего размера, которые, судя по названию, первоначально были заняты свободными

держателями, и крепостные – меньшего размера, занятые некогда рабами господина. Но это деление не удержалось; мы видим, что в той же самой описи, из которой мы узнаем о нем, оно уже не соблюдается: крепостные сидят на свободных мансах и наоборот.

Опись поместий Карла Великого 810 г. свидетельствует о существовании совершенно таких же порядков на острове одного небольшого озера в Баварских горах (Staffelsee). «От этого поместья зависят 83 свободные мансы. Из них 6 доставляют ежегодно по 14 четвериков хлеба, 4 свиньи, 2 курицы, 10 яиц, 1 сетье льняного семени, 1 сетье чечевицы каждая, отбывают ежегодно по 5 недель барщины, вспахивают по 3 морга, косят на господском лугу и свозят по 1 возу сена и т. д.».

Крайне малочисленные документы IX и X столетий не дают права утверждать, что все поместья были организованы таким образом. Нам известны поместья, в которых нет и следа того правильного порядка, какой мы видели в Сен-Жермене, в которых ни в чем нет однообразия – ни в объеме держаний, ни в размерах оброка и барщины, отбываемых держателями. Сама манса, которая в сен-жерменских поместьях соответствует, по-видимому, определенной стоимости (если не пространству), в большинстве южных округов представляет лишь неопределенное название, которое применяется ко всякому держанию, связанному с деревенским домом. Часто вместо мансы встречается так называемая *colonica*[4 - Отсюда имена Coulanges, Coullonche.] (держание колона), которая состоит, по-видимому, из земель, зависящих от одинокого дома; в этом случае избы держателей, вместо того чтобы составлять поселок вблизи господского дома, рассеяны по всему поместью.

На какие страны распространялся этот способ обработки земли? Статистика, которая могла бы нам ответить на этот вопрос, невозможна за недостатком документов. Но вероятно, что эта форма хозяйства была римского происхождения и господствовала почти на всем протяжении древнеримской Галлии, исключая горные области Пиренеев и окрестности древних римских городов, особенно лежавшие на юге и в долинах Роны и Соны. По крайней мере, разрозненные документы этого темного периода говорят только о ней, и в XIII в. она распространена почти по всей Франции.

Она же является обычной формой хозяйства и в Италии XIII столетия; но в городских округах, составляющих здесь значительную и наиболее богатую часть территории, собственники отдают свои земли арендаторам или фермерам, часто

по вечному договору – эмфитевзис древних.

В Испании также существовал класс крестьян-держателей; но в областях, которые остались христианскими, многие земледельцы жили в укрепленных местечках, а в областях, отвоеванных у мавров, удержалась отчасти сельская организация Востока.

В Германии, где, может быть, еще во времена Карла Великого оставалось много мелких собственников, эксплуатация земли при помощи держателей, введенная, вероятно, монастырями и князьями, распространилась вскоре по всей стране, исключая некоторые альпийские округа и равнины, смежные с Северным морем, где удержались крестьяне-собственники. То же самое произошло и в Скандинавских государствах, но только после XIV в.

Что касается Англии, то кадастр, составленный нормандскими королями, представляет нам всю страну покрытой крупными поместьями, которые разделены на участки, занимаемые держателями за оброк и барщину. Эта организация, по-видимому, предшествовала нормандскому завоеванию.

Таким образом, во всей цивилизованной Европе господствуют крупная поземельная собственность, наследственные держания, оброк и барщина; они распространяются на западе вплоть до гор Уэльса и Шотландии, на юге – до мусульманских государств, а на восток продвигаются все далее и далее, по мере того как становятся более цивилизованными славянские народы.

В основных чертах эта организация установилась в X в. Она оказывается вполне сложившейся в документах конца XI столетия и до XIV почти не изменяется. Поэтому можно попытаться дать понятие о положении крестьян в этот период.

Деревня. Крупное поместье все еще господствует над всей жизнью крестьянина. Господский дом обратился в укрепленный дом, иногда в замок, с усадебной землей (полями, виноградниками, лугами, прудами, рощами), занимающей, по нашим представлениям, очень большое пространство. Вблизи сгруппированы жилища держателей, принадлежащие к двум различным типам: полный дом, построенный вокруг двора[5 - По-немецки двор и дом обозначаются одним и тем же словом Hof.] и прилегающий к саду, дом житочного крестьянина[6 - По-немецки такой крестьянин называется Vollbauer (полный хлебопашец).], обладающего запряжкой волов, и хижина, состоящая из одной постройки, где

живет земледелец, не имеющий ничего другого, кроме своих рабочих рук.

По мере увеличения числа жителей такая кучка домов становится деревней, иногда (впрочем, редко) – даже бургом, окруженным стеной. Во Франции этот поселок сохраняет древнее римское название поместья (villa): его называют ville, а крестьян – vilains. Аналогичный смысл имеют окончания ham в английском языке, heim и hausen – в немецком.

От этой деревни зависит территория (на Севере Франции ее называют Jinage), границы которой остались те же, какие имело древнее поместье. Часто случалось, что в течение веков поместье распадалось между несколькими собственниками, которые делили между собой усадебную землю и крестьян; но территории, как и поселок, остаются неизменными. Повсюду, как в Германии, так и во Франции, границы поместья вследствие долгой привычки сделались неподвижными; большинство поместий обратились в современные коммуны. Таким образом, крупные собственники минувшего времени начертали план и создали основную единицу современного деления Франции.

Так как – особенно в Германии – оставались еще пустынные земли и нерасчищенные леса, то в течение всех Средних веков, преимущественно в XIII столетии, возникали новые селения[7 - В Германии названия сел, устроившихся на месте расчищенного леса, кончаются словом rode, или roda, что значит сечь (Wemigerode, Orterode, Friedrichsroda).]; но они устраивались по образцу старых.

Территория деревни, за исключением запасной земли, разделена между крестьянами, которые передают свои участки от отца к сыну. Если в некоторых областях Германии и существовал в древности обычай время от времени соединять все земли и делить их заново между жителями, что еще вовсе не доказано, то в течение Средних веков этот обычай исчез повсюду и держания из рода в род оставались в одних и тех же семьях.

Держание очень редко представляет цельный кусок земли в одной меже: обычно оно состоит из нескольких полос, разбросанных по различным частям территории и имеющих форму длинных узких лент, какие еще теперь можно видеть на равнинах северо-восточной Франции и Западной Германии, где до сих пор сохранился традиционный способ разверстки полей. Раздробление часто восходило ко временам первоначального устройства поместья; оно соответствовало трехпольной системе, очень распространенной в IX и X столетиях (озимое, яровое и пар). С течением времени оно еще усиливалось,

потому что держатель, по крайней мере во Франции, имел право подразделять свое держание, лишь бы только новые владельцы продолжали отбывать повинности. Число участков, как и число держателей, могло возрастать беспредельно, поскольку это допускали продовольственные силы территории. Как только переступали эту границу, голод или эпидемия восстанавливали равновесие между количеством населения и количеством припасов. В Германии держания часто становились неделимыми, и начиная с XII в. здесь образовался класс зажиточных крестьян.

Было бы нелепо пытаться определить количество сельского населения Европы, даже в XIII столетии, потому что документы и недостаточно полны, и мало достоверны. Можно только, опираясь на пример Индии и мусульманских стран, предположить, что население, будучи бедным, плодовитым и прикрепленным к земле, должно было достигнуть очень большой густоты.

Все сельское население обозначали одним названием: *rustici* (крестьяне), *vilains*, *Bauer* (хлебопашцы). Смысл, который придавали во Франции слову *vilain*, ясно показывает, что остальные классы общества не делали различия между крестьянами, и всех их объединяло одно и то же чувство презрения. Между тем этот низший класс представлял собой смесь людей, занимавших первоначально совершенно различные положения, и это различие оставило еще так много следов, что образовались две группы, обозначавшиеся во французских актах того времени двумя различными словами: рабы и свободные.

Крепостные (*serfs*) были потомками или, по крайней мере, преемниками древних римских рабов (*servi*). Но в течение веков их положение постепенно улучшилось. Господин был в то же время собственником: он видел в крепостном лишь сельскохозяйственное орудие и не требовал от него ничего, кроме извлечения выгоды из его поместья. Сельских крепостных более не продавали; они могли вступать в брак и оставались бессменно в одном и том же поместье, начиная собой здесь поколения хлебопашцев. Каждая семья получала от господина дом и участок земли, которые и переходили из рода в род, так как господин отказывался от права взять их обратно. Крепостной сделался держателем. Тем самым, когда крепостные были переведены на роль хлебопашцев и когда господин перестал требовать от них личной службы[8 - Мы не хотим сказать, что в Средние века не было рабов, исполнявших роль домашней прислуги, но их было очень мало, и здесь, где мы говорим о крепостных, нам нет надобности касаться положения челяди.], рабство было превращено в крепостное состояние, тогда как, наоборот, в России XVIII в. помещики, отрывая своих крепостных от

земли и обращая их в лакеев и горничных, вновь создали рабство, подобное античному.

Крепостной не получал своего держания как безвозмездный дар; собственник, оставшись его господином, требовал от него более тяжелых оброка и барщины, часто определяемых им по произволу. По меткому выражению того времени, крепостной был «*taillable et corveable a merci*» (повинен оброком и барщиной по всей воле господина). Однако сила обычая в Средние века была так велика, что часто он определял, в конце концов, даже размеры повинностей крепостных: собственник не мог требовать от них больше того, что они искони платили. Наоборот, не всегда нужно было быть крепостным, чтобы быть повинну оброком по всей воле господина.

По-видимому, специальными повинностями крепостного, характеризовавшими его положение, были в Средние века те, которые свидетельствовали также и о его личной зависимости: *capitation* (подушная подать), *Formariage* (плата за вступление в брак) и *main morte* («мертвая рука»).

Capitation есть подать с каждой головы, выплачиваемая обычно ежегодно; эту повинность господин наложил на своих крепостных в силу своего абсолютного права; она представляет собой пережиток рабства.

Formariage[9 - Пресловутое «сеньориальное право», возбуждавшее столько жестоких споров между панегиристами и хулителями Средних веков, относится, без сомнения, к рабству. В той форме, в какой его прославила популярная литература, оно упоминается очень редко, притом лишь в документах ранней эпохи, допускающих, вдобавок, противоположные толкования.] есть налог, уплачиваемый собственнику крепостным или крепостной при вступлении в брак с лицом, стоящим вне его власти. Если держатели одного и того же владельца вступают в брак между собой, то они не выходят из-под его зависимости и их брак для него безразличен; в этом случае только изредка устанавливается небольшая повинность. Но вступая в брак с чужаком, крепостная выходит из-под власти господина; понятно, что она может сделать это только с его согласия. *Formariage* и есть, по-видимому, цена, уплачиваемая господину с целью получить его согласие на брак.

Main morte есть право господина завладеть наследством своего крепостного в том случае, когда последний не оставляет после себя детей, живущих при нем. Крепостная семья владеет своим домом и полем только в силу соизволения

господина, единственного настоящего собственника. По установившемуся обычаю держание оставляют за семьей до тех пор, пока она живет вместе. Но раз семья вымерла или рассеялась, держание возвращается к собственнику, при этом он не обязан считаться с побочными родственниками или даже с детьми своего крепостного, живущими на стороне, потому что держание принадлежит ему. Если же он соглашается отдать его родственникам своего крепостного, то не иначе, как при условии довольно большого выкупа. Именно это право на выморочное имение и называется *main morte* (сам термин появляется в XI в.). Обычай или частные договоры устанавливали постоянный размер выкупа. Во многих германских странах (Англия, Германия, Фландрия) право господина сводилось к вычету из наследства какой-нибудь вещи или головы скота.

По той же причине, по которой крепостной не может завещать своего держания при смерти, он при жизни не может продавать или отчуждать его без особого разрешения своего господина.

Более характерна другая черта первоначального рабства, сохранившаяся в течение долгого времени. Крепостной, водворенный в поместье, не мог быть оторван от него своим господином; но и сам он, в свою очередь, не имел права покидать поместье, чтобы поселиться где-нибудь на стороне [10 - Выражение «*serf de la glebe*», которым в обыденной речи часто обозначают средневековых крепостных, в документах не встречается.]. Уходя без разрешения, он причинял убыток господину, так как лишал его своих услуг; господин имел право преследовать беглеца и заставить его вернуться: это было право преследования.

Мы узнаем, что сеньоры принимают меры против этих побегов, вступая в соглашение с соседними владельцами и взаимно обязываясь возвращать друг другу своих беглых крепостных. Другие производят целые следствия, чтобы разыскать крепостных, которые стараются ускользнуть от них, либо скрывая свое звание, либо поселяясь на землях других сеньоров, либо вступая в духовное звание. Граф Фландрский, Карл, был убит в 1127 г. за то, что произвел следствие, при котором была скомпрометирована одна знатная фамилия, происшедшая от крепостного.

Эго жестокое право преследования вскоре смягчается. Во Франции уже в XII столетии господствует обычай, по которому крепостной может уйти и поселиться на стороне, обычно при двух условиях: он должен торжественно предупредить об этом своего господина (отречься от него) и должен отказаться

от всего имущества, которым владел в его поместьях.

Под разными названиями крепостное право существовало во всей Европе[11 - В Германии крепостные назывались *leibeigen*.]. По-видимому, крепостные составляли главную массу сельского населения со времен Карла Великого, и их потомки рождались крепостными. Само держание в конце концов усвоило все черты их крепостного положения и передавало последнее всякому, кто становился держателем; живя на крепостном держании, свободный человек обращался в крепостного[12 - Другие источники рабства - война, судебные приговоры, дарение - жертвование на церковь, точно так же, как и *colliberti* (совместно отпущенные на волю), имели слишком ничтожное практическое значение, чтобы заслуживать чего-нибудь больше простого упоминания.]; юристы называли это вещественным рабством.

Отпущение на волю. С другой стороны, и крепостной мог сделаться свободным человеком. Подобно античному рабу, он мог быть лично освобожден своим господином посредством символического обряда или письменного акта (хартии), в течение Средних веков господствовала исключительно вторая форма. Но отпущение на волю отдельных лиц становится все более и более редким: почти всегда господин освобождал сразу всех крепостных поместья, одним актом изменяя положение целой деревни или целого округа.

Понятно, что он поступал таким образом вовсе не из великодушия. Крепостные покупали свою свободу, сначала платили известную сумму, особенно в XII в., когда деньги стали не так редки, позже обязывались на вечные времена за себя и за своих потомков платить специальные повинности, которые напоминали бы об их прежнем положении.

Взамен этого господин отказывался от своего права взыскивать с них собственно рабские повинности, особенно *main morte*. Часто он также отказывался от произвольных обложений и обязывался впредь брать только определенные повинности, но это не было непременно последствием освобождения. Положение вольноотпущенных зависело исключительно от условий, заключенных ими с собственником и точно обозначенных в письменном контракте (хартии). Во всяком случае, они оставались держателями поместья. А так как единственным различием между держателем-крепостным и свободным держателем была разница в величине повинностей, то их положение изменялось вовсе не так сильно, как можно было бы думать, судя по высокопарным выражениям некоторых хартий, превозносящих благотворное действие свободы.

Иногда крепостные отказывались платить за это благо ту цену, которую требовали за него, и сам господин заставлял их покупать его.

Свободные крестьяне. В крупных поместьях, наряду с крепостными, искони жили и свободные люди; во времена империи это были так называемые колонны, позднее – также германские литы. Чтобы обозначить обитателей поместья, хартии говорили: «Как свободные, так и крепостные».

Свободные, в противоположность крепостным, не были ничем обязаны господину; они зависели от него только как от собственника, потому что жили на его земле. Это были вечные фермеры или арендаторы. Их держание было отрезком большого поместья, который они обрабатывали при условии уплаты определенного тягла, сходного с нашей арендной платой, или известной части сбора, подобно нашим фермерам. В противоположность фермеру или арендатору, их положение было утверждено навсегда: собственник не мог ни отнять у них землю, ни увеличить их повинности. При условии уплаты исконной дани они могли свободно распоряжаться своим держанием, завещать его по своей воле, отчуждать и даже (по крайней мере, во Франции) делить на части.

Находившиеся в наиболее благоприятных условиях платили только определенную годовую сумму, ценз, или цензив (оброк), размер которой был установлен в незапамятные времена и, вследствие обесценивания денег, сделался очень незначительным. Большая часть несла различные повинности, иногда изменявшиеся, иногда даже произвольные, но сделавшиеся правильными в силу обычая. Часто сеньор за наличные деньги соглашался заключать «наемный» договор, освящавшийся хартией, по которому каждая повинность ограничивалась известной цифрой или определенной пропорцией. Держатели обращались в «нанимателей». Возможно, что в XIII в. еще оставались свободные держатели, подверженные произвольным оброку и барщине, но их было, без сомнения, очень немного.

Многочисленные в некоторых провинциях гости также были свободными людьми; их название указывает на происхождение от чужеземцев, допущенных в поместье, вероятно, для того, чтобы распахивать еще не обработанные земли.

Нормандские *bordiers*, английские *cottagers*, германские *kossath* были мелкие держатели, жившие в хижинах, лишенные крупного скота и платившие за свое держание более барщинами, нежели податями.

Количественное отношение различных классов крестьян колебалось по странам и временам. Вначале преобладали, по-видимому, крепостные, по крайней мере на севере. Но их число постоянно уменьшалось. Крепостной класс был остатком античного рабства и германского крепостного состояния, прикрепленным к земле землей же; но он перестал пополняться, потому что людей более не обращали в рабство. Каждая освободительная хартия, выданная рабскому селению, сокращала территорию господства крепостного права, и затем эта территория уже более не увеличивалась, потому что свободная земля никогда не становилась опять рабской. В наиболее цивилизованных странах (в Италии, южной Франции, Нормандии) с более быстрым процессом развития крепостное право прекратило свое существование в XII столетии; там оставались только свободные крестьяне.

Сеньориальная эксплуатация. Отличительной чертой средневекового крестьянина является его зависимость от собственника деревни, называемого по-латыни *dominus*, по-немецки – *Herr*, по-французски – *seigneur*. Этот собственник может быть крупным или мелким, рыцарем, графом или королем, воином, епископом, аббатом или женщиной, отношения между ним и крестьянами остаются те же. Они всегда основываются на праве сеньора требовать от своих крестьян оброка и услуг, взамен чего не имеет по отношению к ним никаких других обязанностей, кроме одной – оставлять в их владении свою землю. Это называлось эксплуатацией (само слово относится к тому времени).

Каким образом она установилась? Это один из самых спорных вопросов средневековой истории, и документы слишком малочисленны и плохо изучены, чтобы сделать возможным его решение. Организация крупного поместья по самому своему характеру делала неизбежным принуждение держателей к уплате оброка и отправлению барщины и подчинение их приказчику собственника. Это явление мы наблюдаем еще и в настоящее время. Но на деле достоверно известны примеры эксплуатации, установленной путем захвата или насилия: примеры должностных лиц, обращавших в право вечной собственности права своей должности (например, право взимать дорожную пошлину, реквизицию или штрафы); светских владельцев, которые заставляли платить себе десятину, учрежденную первоначально в пользу церкви; сеньоров, требовавших оброка с крестьян чужого поместья под предлогом охраны, то есть в обеспечение от их же собственного грабительства; наконец, собственников, незаконно увеличивавших повинности своих держателей. Как возникло в той или другой деревне то или другое обязательство ее обитателей? Или даже какая доля во всем строе феодального порядка принадлежит насилию, захвату и

обману, и какая – первоначальному праву собственника? На это могла бы ответить нам только статистика, а она никогда не будет составлена. Однако мрак, покрывающий зачатки этого строя, не мешает нам составить себе ясное понятие о нем, как он установился в XIII столетии. Некогда крестьяне умели отличать повинности, признанные законными, от взысканий незаконных, введенных путем насилия или обмана и носивших у них название «дурных пошлин» (*mauvaises coutumes*; это выражение встречается особенно часто в XI в.). С течением времени обычай узаконил «дурные пошлины» и закрепил все обязательства крестьян. Эти обязательства, называвшиеся позже неточно феодальными правами (потому что они не имеют ничего общего с феодалом), мало различались от села к селу. Одна и та же повинность в разных местах часто носила разные названия, поэтому перечень этих названий занял бы слишком много места (у Дюканжа он занимает 27 столбцов *in quarto*). Но под этими различными именами скрывается во всей Европе один и тот же режим. Принимая во внимание исключительную форму, а не происхождение обязательств, их можно разделить на платежи, повинности и барщину.

Платежи взимаются или деньгами, или натурой, и уплачиваются или в определенные сроки, или при известных случаях.

Определенными денежными платежами являются, главным образом (исключая подушную подать крепостных), цена выкупа, оброк и бирочная подать.

Оброк (*sens*) есть денежная рента, уплачиваемая держателем за свое держание, род арендной платы, закрепленной древним обычаем. Если держатель не вносит ее в установленный срок, то сеньор может отобрать у него держание или, по крайней мере, взыскать сумму с добавочным штрафом. В некоторых странах существовали также подати с дома или очага (*masurage, focage, fottage*).

Бирочная подать (*taille, nanquette*) есть налог, взимаемый один или несколько раз в год с каждой семьи держателей. Само слово «*taille*» (зарубка), не встречающееся ранее XI в., обозначает только надрез, который делали ножом на куске дерева (бирке) в момент уплаты этой подати. Каково бы ни было ее происхождение, – представляет ли она вид рабской подушной подати или новый побор, наложенный на всех держателей, – но она сделалась настолько всеобщей, что в обыденной речи она употреблялось для обозначения всех податей вообще; говорили: *taillables a merci*. Вначале бирочная подать была, по видимому, произвольной (по воле господина, а *merci*[13 - То есть без всякого другого ограничения, кроме милосердия господина.]). Кажется, что крестьяне

сильно стремились к тому, чтобы сделать ее неизменной; к концу XIII в. они почти повсюду достигли этого, часто путем покупки у сеньора «наемного» договора, по которому он обязывался взимать только определенную сумму[14 - Кроме обычной подати, господин взимает иногда чрезвычайный налог, именно в известных исключительных случаях, например при выдаче замуж дочери.]. Иногда ходатаем за бедных держателей являлась жена сеньора, и таким ходатайствам мы обязаны некоторыми трогательными легендами, например легендой о леди Годиве.

Выкупные платежи (taxes de rachat) представляют древние натуральные повинности, отменяемые по соглашению с сеньором.

Подати натурой, вносимые в определенные сроки, состоят, главным образом, из части полевых продуктов, взимаемой после жатвы, как это практикуется еще и в настоящее время в тех странах, где существует аренда. Так, господин удерживает в свою пользу часть снопов хлеба (champart, gerbage), овса (avenage), сена (fenage), винограда (vinage, complant), кур, воска[15 - Воск был нужен для выделки церковных свечей и печатей, которые привешивались к официальным документам. Поэтому ульи были в Средние века гораздо более многочисленны, чем теперь.]. Он взимает также налог деньгами или зерном за каждую голову скота (быка, барана, свиньи или козы).

Многие платежи связаны с известными актами, и мы видим, как увеличивается в течение Средних веков число таких актов, подлежащих оплате; по крайней мере, их названия начинают встречаться только после X в. В XIII столетии мы находим в действии целую систему передаточных пошлин: так называемая lods (laudes) et ventes, пошлина, которую платит держатель при дарении или продаже своего держания, для того чтобы сеньор утвердил эту передачу, пошлина с наследства (relief, или rachat), не считая «мертвой руки» на наследство крепостных и выморочные имущества (echoite). Мы находим также группу пошлин за проезд, иногда очень древних: за проезд по дорогам (carriage, rouage и др.), мостам, рекам, пристани и через ворота; группу торговых и промышленных пошлин: пошлины с продажи зерна, соли, мяса, товаров, с мясных лавок, рынков, ульев, ярмарок.

Помещичьи права. С обязательствами, налагаемыми сеньором, связана целая система повинностей, принимающих форму монополий. Это помещичьи права (banalites); в документах они появляются только после X в. Их название показывает, что они были установлены путем бана (ban), который обозначает

право сеньора обнародовать свои постановления и требовать их исполнения под страхом штрафа; но происхождение этого права неясно и спорно[16 - Наиболее спорный вопрос заключается в том, действовал ли сеньор в этих случаях по праву собственника или в силу какого-нибудь общественного права, законного (то есть утвержденного сувереном) либо присвоенного путем захвата.].

Держатели обязаны молотить свое зерно на помещичьей мельнице, печь свой хлеб в помещичьей печи, давить свой виноград в помещичьей давильне и каждый раз обязаны платить известный сбор (обычно часть зерна, муки или винограда).

Сеньор требует со своих держателей платы за то, что позволяет им рубить деревья в его лесах, или пастись скот на его пастбищах[17 - Ученые расходятся во взглядах, принадлежали ли леса и пастбища искони собственнику, который только уступал держателям пользование ими, или они раньше были общественной собственностью и впоследствии были захвачены сеньором. Последний взгляд связан с общей теорией, которая сводит первобытный строй всей Европы к господству коллективной собственности. Он не опирается ни на один документ и был оспариваем Фюстелем де Куланжем.], или ловить рыбу в его водах. (Что касается права охоты, то сеньор обычно удерживает его исключительно за собой.)

Сеньор делает также обязательным исключительное употребление своих весов и мер, и это опять повод к платежам.

Сеньор запрещает своим держателям продавать их зерно или вино в течение известного срока после сбора и в это время продает свои продукты без конкуренции. Все эти монополии более стеснительны для держателей, чем прибыльны для сеньора.

Судебные пошлины – это также оброки; это подати, взимаемые сеньором в силу принадлежащего ему права суда. Так именно смотрели на них и в Средние века, потому что в актах, где перечисляются доходные угодья поместья, вслед за землями, виноградниками, лугами, лесами и мельницами фигурирует и justice (право суда). Почти во всех средневековых документах justice обозначает право взимать штрафы или доход со штрафов. Очень часто это право разделено на части и говорит о половине или четверти justice такого-то селения.

В конце концов стали различать высший и низший суд (haute justice и basse justice), а позднее – даже средний, смотря по величине дохода. Обычно высший суд начинался с права взимать штраф больше 60 су. Сюда включали право

присуждения к смерти, с которым было связано право конфискации имущества осужденного.

Каково происхождение этих судебных порядков? Получил ли или захватил сеньор право производить публичный суд, которое раньше принадлежало суверену и его чиновникам (герцогам, графам, сотникам)? Или он только расширил домашнюю власть, искони принадлежавшую сеньору над рабами его дома и собственнику – над держателями его земель? Этот вопрос до сих пор не считается решенным. Но надо остерегаться естественного побуждения представлять себе высший суд как привилегию, предоставленную исключительно некоторым знатым сеньорам. Особенно во Франции даже сеньор, владевший одной деревней (а каждая деревня представляла вначале одно поместье), почти всегда имел право высшего суда над своими держателями. Бомануар, писавший в конце XIII в., говорит, что все вассалы графа Клермонского имеют в своих землях право высшего суда. Если Нормандия составляет исключение, то лишь потому, что герцог, который ее организовал, удержал за собой право присуждения к смертной казни (*justice du glaive*). Не надо также забывать, что право суда, с которым обращались, как со всякой доходной собственностью, часто расчленилось, так что невозможно было определить первоначальные размеры приносимых им доходов, особенно в XIII в. [18 - Начиная с XV в. юристы перестали понимать социальную организацию Средних веков и содействовали тому, что по вопросу о происхождении правовых норм скопилось множество предрассудков, сводом которых является книга *Championniere. Traite sur la proprietd des eaux courantes*, 1846.]

В том виде, в каком мы встречаем его в XII в., право суда есть форма эксплуатации держателей сеньором (само слово «exploit» обозначает судебные формальности); говорят: «*taillables et justiciables*» или «*exploitables*» (подсудны). Суд, как и оброк, может быть произвольным или ограниченным, то есть размер штрафа может зависеть от воли сеньора или представлять определенную неизменную величину. В большинстве случаев такса штрафов сделалась постоянной. Обычай определил, в конце концов, известный штраф за каждый проступок. Часто также сеньор заключал с крестьянами контракт, которым определялась постоянная величина штрафов. Вот пример, относящийся к одной бельгийской деревне (*Sirault*), от 1239 г.; он показывает, с какой точностью предусматривались все случаи:

«За брань – 4 су, за бесчестие – 5 су. Кто ударит другого, платит 10 су, а если потечет кровь, то – 20. Кто извлечет отточенное оружие, но не ударит, платит 30

су. За удар палкой – 20 су, а до крови – 40. За удар отточенным оружием – 60 су».

По отношению к тяжким проступкам (убийству, поджогу, похищению и обычно также воровству) власть сеньора неограниченна. Наказание – смерть или изгнание, и сеньор конфискует все имущество осужденного.

Из права суда произошли также поборы, уплачиваемые держателями за увольнение их от участия в трехгодичных судебных собраниях (*plaids geneaux*), пошлины, взимаемые с держателей, которые ведут между собой тяжбу перед судом сеньора, и, вероятно, также пошлины за печать, регистратуру и нотариат, взимаемые при составлении и засвидетельствовании частных актов (эти пошлины существуют еще теперь, точно так же, как и конторы нотариусов и гражданские регистратуры).

Повинности. Гораздо менее значительные, чем оброки, повинности – это неправильные поборы, взимаемые сеньором, иногда даже не известно, по какому праву.

Чаще всего встречается повинность постоя и прокорма (*gite et procuration*), следуемая нередко какому-нибудь чужому сеньору – не владельцу данной деревни. Крестьяне обязаны принять сеньора, когда он приезжает в деревню, отвести помещения ему, его свите, его лошадям, собакам, соколам, дать обед его людям и накормить животных. Это разорительное обязательство мало-помалу урегулировалось. Обычай установил, как часто сеньор мог пользоваться правом постоя (обычно – три раза в год), сколько людей и животных он мог приводить с собой, какое количество блюд и хлеба он мог требовать. Позже эта повинность превратилась в годовой оброк.

Право *prise* есть право сеньора брать то, что ему нужно для дома, – провизию, вьючный скот, плуги, корм для животных, даже постели, – обычно за известное вознаграждение, произвольное или определенное.

Право кредита позволяет сеньору брать у купцов в кредит предметы, которые он спрашивает; срок кредита обычно ограничен.

Барщина, то есть обязанность лично исполнять известную работу, существовала ранее Средних веков, и притом в двух формах: собственник требовал от своих держателей барщину в свою пользу, государство налагало барщину на

население для поддержки дорог и мостов. Обе формы встречаются и в Средние века, но при этом сеньориальные барщины несравненно значительнее государственных.

Держатели обязаны помогать сеньору в обработке его поместья: пахать его поля, обрабатывать его виноградники, жать его хлеб, косить его луга, убирать его хлеб и сено. Обычно эти услуги носят правильный характер: тот, кто подлежит барщине, работает на господина определенное число дней в году; он обязан работать или одними руками (*manoeuvre* – ручные работы), или предоставлять господину свой скот, плуг, повозки (*charrois* – извоз). Иногда обычай определяет, что сеньор будет кормить его и даже как будет кормить.

Держатели обязаны для надобностей сеньора перевозить топливо, камень, мебель или провизию, должны исполнять его поручения, должны держать в исправности дороги, поправлять постройки, чистить рвы замка и пруды сеньора, обязаны оказывать ему помощь в случае наводнения или пожара. Они должны помогать сеньору в его войнах, держать в его замке дневной или ночной караул (это называлось *guet*), строить укрепления, копать рвы, делать частоколы; они обязаны даже идти с ним на войну, когда он предпринимает поход по соседству (это называлось *ost et chevauchee*).

Остатком старинной государственной барщины являются, может быть, барщины для поддержки дорог, мостов и плотин; но их уже трудно отличить от барщин, установленных сеньором в свою собственную пользу.

Управитель. Взимать столько разнообразных податей, требовать столько услуг было сложным и хлопотливым делом. Сеньор и не думал брать его на себя. За исключением некоторых мужских монастырей, мы не нашли бы в Средние века, может быть, ни одного примера, когда бы крупное поместье управлялось непосредственно сеньором. Повсюду он передает свою власть управителю; держатели имеют дело только с управителем. Аналогичное устройство существует до сих пор в крупных поместьях Венгрии и России.

Мы имеем слишком мало документальных сведений о поместьях мелких светских владельцев, чтобы можно было выяснить, как было поставлено в них дело. Мы знаем только способ эксплуатации поместий, принадлежавших церкви и крупным сеньорам.

По-видимому, первоначально в каждом поместье был один управитель, обычно из крестьян, иногда даже крепостной. Латинские тексты называют его то *maior*, то старинным римским словом *villicus*; по-немецки он называется *Meier* или *Schultheiss*[19 - Во французский язык это слово перешло в форме *escoutete*.] (сборщик податей). Он пользовался более крупным держанием, чем остальные держатели. Часто эта должность становилась постоянной в какой-нибудь семье, и поместье, начиная с XI в., управлялось наследственным мэром, которого собственник уже не мог сместить. Если поместье распадалось между несколькими сеньорами, то приказчик часто продолжал управлять им от имени всех совладельцев, и последние входили в соглашение между собой относительно дележа доходов и прибылей.

Но в XIII в. большое число деревень оказываются разделенными между несколькими приказчиками, каждый из которых действует в пользу другого сеньора. С другой стороны, очень часто можно встретить, особенно в монастырских поместьях, приказчика, которому поручено управление держателями, рассеянными по нескольким деревням.

Это результат распада «виллы». Изолированные держания искусственно связываются с центром эксплуатации, лежащим вне территории селения; дом управителя помещается в одном из окрестных селений; в Германии он носит название *Frohnhof* (барщинный двор).

Когда сеньор имел несколько деревень в одном и том же округе, он составлял из них группу, которую поручал высшему управителю, называвшемуся на севере *prevot* (*praepositus*), на юге – *baile* (*bajulus*), в Германии – *Amman*, иногда *chatelain*. Эта должность также становилась часто наследственной, и существовали даже превоства, данные в феоде (*prevotes infeodees*); прево называли также приказчика, управлявшего одним селением.

Приказчик был представителем собственника, который поручал ему осуществление своих прав. Он эксплуатировал усадебную землю, заставлял чинить постройки, обрабатывать землю, свозить полевые продукты; назначал барщины и следил за их исполнением; взимал те подати, размер которых был установлен, и определял размер переменных повинностей, обычно посоветовавшись предварительно с деревенской знатью, «чтобы знать силы каждого»; отдавал на откуп пекарню, мельницу, давальню, рынок; обнародовал бан (господский приказ) через глашатая; подвергал аресту преступников, творил суд, взимал штрафы и казнил осужденных; приводил держателей в

армию сеньора.

За свою службу управитель обычно не получал жалованья: он сам вознаграждал себя, удерживая часть доходов. Начиная с XII в. во Франции стали отдавать превоства на откуп; объявлялся торг на откуп сроком на известное число лет. Управитель вовсе не был приказчиком, получающим жалованье за управление помещьем; его должность давала ему столько, сколько он хотел получать от нее, потому что в его власти было взимать с держателей больше или меньше. Сколько притеснений и мелкого грабительства вытекало из этого режима, ясно показывает пример помещичьих управителей в России до отмены крепостного права.

Характер и размеры сеньориального режима. Невозможно посредством единичного примера дать полное представление о таком сложном и разнообразном порядке.

Следующий пример взят из истории одного церковного поместья XIII в., находившегося в провинции (Нормандии), где положение крестьян было довольно благоприятно. Сведения, извлеченные из небольшой сатирической поэмы, которая рисует картину жизни крестьян деревни Версон, подтверждаются картулярием аббатства Мон-Сен-Мишель, от которого зависела эта деревня.

Держатели обязаны доставлять камень, растворять известь и помогать каменщикам. В Иванов день они должны, по требованию, косить, сушить и свозить сено в обитель. В августе они должны жать монастырский хлеб, вязать его в снопы и перевозить в ригу. За свое держание они платят подать хлебом: они не могут увезти свои снопы с поля, не сходя предварительно за сборщиком хлебной подати, который отбирает свою часть, и эту подать они обязаны на своей повозке отвозить до податной риги; а в это время их собственный хлеб остается на ветру и под дождем. В Рождество Богородицы, в сентябре, крестьянин платит подать со свиней: одну на восемь; он имеет право выключать двух, третья идет сеньору. На Святого Диониса вносится оброк. На Рождество крестьянин обязан доставить кур. Он платит также *bresage* – два сетье ячменя и четверть пшеницы. В Вербное воскресенье он должен вносить подать с овец, а если просрочит этот день, то сеньор берет с него произвольный штраф. В Пасху он отбывает барщину; под видом барщины он обязан пахать, сеять, боронить. Если крестьянин продает свою землю, он обязан уплатить сеньору тринадцатую часть ее цены; если выдает дочь замуж вне поместья, то платит 3 су брачной

подати. Он подчинен сеньориальной монополии (бану) на мельницу и пекарню; его жена носит хлеб; она платит фумаж (foumage) (за печение хлеба), le tortel, l'aïage: пекар— ша ворчит, потому что она «больно горда и заносчива», пекарь жалуется, что не получил своей части; он грозит, что печь будет плохо натоплена и что хлеб крестьянина будет весь сырой и негодный. Картина кончается этой чертой, которая показывает, как много терпели крестьяне от придирок низших чинов сеньориального управления.

Эта форма сельскохозяйственной эксплуатации идет вразрез с нашими обычаями. Она соединяет в одну смешанную массу все системы, которые теперь действуют порознь.

В настоящее время мы знаем большое хозяйство, которое ведут крупные собственники, и малое хозяйство, которое ведут мелкие собственники. В Средние века господствуют крупная собственность и мелкое хозяйство; крупный собственник раздает большую часть своего поместья крестьянам, которые ведут на этих участках мелкое хозяйство, подобно нашим мелким собственникам.

Собственник, не обрабатывающий сам свою землю, выбирает один из двух способов: или он возделывает ее непосредственно при помощи платных поденщиков, или предоставляет ее фермеру либо арендатору за условленную плату или часть сбора. В этом случае он по истечении срока контракта получает свою землю обратно. В Средние века собственник употребляет одних и тех же людей как поденщиков – на запасной земле и как арендаторов – на землях, которые он сам не обрабатывает. Но это – поденщики, которые не получают платы, и арендаторы, которые владеют своим участком наследственно и у которых собственник не может отнять его[20 - Встречаются также (особенно в XII в.) фермеры и арендаторы временные, подобно нашим, но это исключительное явление.]

Допуская наследственную передачу одного и того же участка из поколения в поколение, собственник, в силу некоторой давности, теряет свое абсолютное право распоряжаться землей. В отплату за это наследственное пользование держатели обязаны ему денежными и личными повинностями, которые составляют род арендной платы. Следовательно, эти подати и барщины, уплачиваемые сеньору, не могут быть сравниваемы с государственными податями и налогами; они вытекают из того же принципа, как и обязательства современных фермеров и арендаторов, – из права собственника требовать от держателей вознаграждения за ту услугу, которую он оказывает им,

предоставляя в их пользование свою землю. Разница лишь в том, что участок средневекового держателя был закреплен за ним и обложен неизменными повинностями, тогда как современный фермер сидит на своей земле лишь временно и сплошь и рядом по истечении найма должен соглашаться на повышение наемной платы. Таким образом, положение средневекового держателя было более прочно и более приближалось к положению поземельного собственника. Между тем феодальные повинности (как их неточно называли в более позднее время) сделались настолько ненавистными, что во всей Европе пришлось уничтожить их. Дело в том, что крестьяне, став наследственными владельцами, в конце концов начали смотреть на свое держание как на собственность, обремененную повинностями. Они чувствовали себя собственниками, а не фермерами. Сеньор казался им паразитом, который не оказывал им никакой услуги взамен того, что он брал у них.

Другая характерная черта этого порядка состоит в том, что над сеньором нет государства, которое могло бы быть посредником между ним и его крестьянами, как современное государство служит посредником между землевладельцами и фермерами. «Между твоим крестьянином и тобой нет другого судьи, кроме Бога», – говорил один французский юрист XIII в. В большинстве стран держатели не имеют даже права собираться для обсуждения своих общих нужд без разрешения своего сеньора. Недозволенное собрание есть проступок, наказуемый произвольным штрафом. Таким образом, крестьяне совершенно беззащитны против власти сеньора и его управляющего. Сеньор вместе и судья, и сторона, и никакая высшая власть не может заставить его оставаться в пределах его прав. Значит, положение крестьян зависит от личных свойств сеньора и управляющего и, следовательно, всегда ненадежно.

Неверно было бы думать, будто режим, который сейчас был описан, распространялся на всех крестьян Европы. В течение всех Средних веков оставались между крестьянами полные собственники, не зависящие от соседних сеньоров, подчиненные лишь государю страны, иногда даже организованные в общины; таковы аллодиальные крестьяне Аквитании, горцы Беарня, Бигорры и Страны басков, свободные люди Швица и Аппенцеля, свободные крестьяне Альп, Вестфалии и Фрисландии, не говоря уже о нормандских фермерах, английских *franctenants* (свободных держателях) и эмфитевтах (долгосрочных арендаторах) Италии. Но они составляли лишь очень удаленные друг от друга группы. И еще гораздо более ошибочно было бы представлять себе хотя бы четвертую часть средневекового крестьянства в положении этих привилегированных.

Дворяне и высшее духовенство

Дворяне; их вооружение. Дворянская иерархия. Рыцарство. Башни, замки и дома. Оммаж и феодал. Феодалные обязанности. Женщины и дети в феодальной системе. Духовенство в феодальной системе. Министералы. Сложность феодальных отношений.

Дворяне; их вооружение. Во всей Европе в Средние века люди, достаточно богатые, для того чтобы не иметь надобности работать, составляют привилегированный класс, строго отделенный от остальной части общества. В этом высшем классе все, исключая духовных лиц, – воины по профессии.

Еще Карл Великий обязал всех свободных людей своей империи носить оружие. Необходимость защищать себя, склонность к праздности и приключениям, предрасположение в пользу воинской жизни привели во всей Европе к образованию военной аристократии. Чтобы привлекать людей на военную службу, не было надобности в высшем авторитете государства. Так как светские люди считали военную жизнь единственным почетным образом жизни, то каждый и стремился к ней; военный класс заключал в себе всех, кто имел достаточно средств, чтобы вступить в него.

Первым условием для этого была возможность вооружиться за свой счет. Между тем, начиная с IX в., сражались исключительно на лошадях. Поэтому средневековый воин назывался во Франции *chevalier*, на юге – *saver*, в Испании – *caballero*, в Германии – *Ritter*; в латинских текстах древнее название солдата, *miles*, сделалось синонимом рыцаря.

Во всей Европе война ведется одним и тем же способом, и воины вооружены почти одинаково.

У человека, вполне вооруженного для битвы, у рыцаря, тело защищено доспехами. До конца IX столетия это – броня, туника из кожи или материи, покрытая металлическими бляхами или кольцами; позже броню повсюду вытесняет кольчуга[21 - На гобелене из Байо, сделанном несколько лет спустя после завоевания Англии (1066 г.), большинство рыцарей изображены в бронях, но на некоторых уже кольчуги.], рубашка из металлических колец с рукавицами

и капюшоном и с прорезью сверху, чтобы ее можно было надевать, как рубаху. Вначале кольчуга доходила до ступней; когда ее укоротили до колен, то ноги для защиты стали закрывать чулками из колец; к этим чулкам приделывали шпоры, имевшие форму наконечника копья. Капюшон закрывал затылок и голову и доходил до подбородка, оставляя открытыми только глаза, нос и рот.

Во время битвы рыцарь надевал на голову шлем – стальную шапку конической формы, окруженную ободком и кончавшуюся металлическим или стеклянным шариком (cimier); шлем был снабжен железной пластинкой, защищавшей нос (nasal – наносник)[22 - Наносник исчез к концу XII столетия.] и привязывался к кольчуге кожаными ремнями. Только в XIV в. появляются доспехи из металлических пластин и шлем с забралом, удержавшиеся до XVII в., – вооружение Баярда и Генриха IV, которое, однако, часто принимают за обычное вооружение средневекового рыцаря.

Чтобы отражать удары, рыцарь носил щит из дерева и кожи, обитый металлическими полосами и украшенный в середине бляхой (boucle) из позолоченного железа (отсюда название щита – bouclier). Вначале круглый, щит становится потом продолговатым и удлиняется до того, что закрывает всадника от плеч до пят. Его вешали на шею на широком ремне; во время сражения его надевали на левую руку посредством ручек, находившихся на внутренней стороне. Именно на щитах и стали, начиная с XII в., рисовать герб, признанный той или другой фамилией за свою эмблему.

Наступательным оружием были меч (brave), обычно широкий и короткий, с плоской рукояткой, и копье с длинным и тонким древком из ясеня или граба, кончавшееся железным наконечником в форме ромба. Пониже наконечника прибавляли гвоздями прямоугольную полосу материи (gonfanon – знамя), которая развевалась по ветру. Копье можно было воткнуть в землю рукояткой, кончавшейся железным острием.

Одетый и вооруженный таким образом, рыцарь был почти неуязвим, и с течением времени вооружение все более совершенствовалось, делая воина похожим на живую крепость. Но вместе с тем он становится настолько тяжелым, что для битвы ему нужна особого рода лошадь. Рыцарь имеет при себе двух коней: обыкновенного (palefroi) для езды и боевого (dextrier), которого ведет под уздцы слуга. Перед началом сражения рыцарь надевает свои доспехи, садится на боевого коня и устремляется в битву, направив копье вперед.

Только рыцари считались настоящими воинами; рассказы о сражениях говорят нам только о них, и только из них состояли боевые колонны. Но их сопровождали в походах еще другие всадники на менее выносливых лошадях, одетые в тунику и шапку, снабженные более легкими и менее дорогими доспехами, вооруженные небольшим щитом, узким мечом, пикой, топором или луком. Без этих спутников рыцарь не мог обойтись: они вели его боевого коня[23 - С правой стороны, отсюда название *dextrier*.], несли его щит, помогали ему надевать доспехи в минуту сражения и садиться в седло. Поэтому их обычно называли *valets* (слуги) или *escuers* (щитоносцы), а по-латыни – *scutifer* (щитоносец) или *armiger* (оруженосец). Долгое время рыцари держали этих оруженосцев в положении подчиненных. В сочиненной в конце XI в. «Песне о Роланде» о них говорится как о низшем классе. Они стригли голову как слуги и получали за столом более грубый хлеб. Но мало-помалу братство по оружию сблизило оруженосцев с рыцарями; в XIII в. обе группы составляли уже один класс – высший класс светского общества, и как к тем, так и к другим применяли древнее латинское название благородных (*nobilis*), обозначающее принадлежность к высшему классу (по-немецки *edel*).

Дворянская иерархия. Чтобы вести жизнь воина, надо было иметь средства жить, не работая. В Средние века дворянин – лишь тот, кто получает достаточный доход, чтобы содержать себя. Обычно этот доход обеспечивался землей. Дворянин владеет поместьем[24 - Ниже мы увидим, как разнообразны были способы, которыми дворянин мог сделаться владельцем имения.], а так как честь не позволяет ему обрабатывать его лично, то он возлагает эту обязанность на своих держателей. Таким образом, дворянин почти всегда эксплуатирует по крайней мере несколько крестьянских семейств. По отношению к этим держателям он сеньор (по-латыни *dominus*, отсюда – испанское *don*). Обладание доходом есть практическое условие для того, чтобы быть дворянином. Но по размерам богатства между дворянами существуют резкие неравенства, на основании которых устанавливается ряд степеней, начиная с оруженосца и заканчивая королем. Современники очень ясно различали эти степени и даже отмечали их особыми именами.

Высшую ступень занимают князья, обладающие титулом (короли, герцоги, маркизы, графы), суверены целых провинций, владельцы сотен деревень, способные приводить на войну несколько тысяч рыцарей.

За ними следуют знатнейшие из дворян, обычно владельцы нескольких деревень, ведущие с собой на войну целый отряд рыцарей. Так как они не имеют

официального титула, то их обозначают простонародными названиями, смысл которых не ясен и несколько растяжим; эти названия в разных странах различны, но употребляются как синонимы. Наиболее употребительные из них: *baron* – на западе, в южной Франции и в нормандских странах, *sire*, или *seigneur*[25 - *Sire* — именительный падеж, *seigneur* — винительный.] – на востоке (*baron* обозначает мужа, мужчину по преимуществу; *sire* – вождь и господин). В Ломбардии их называют *capitaines*, в Испании – *ricos hombres* (богатые люди). В Германии говорят *Herr*, что соответствует названию *seigneur*, в Англии – *lord*, на латинский эти названия переводятся словом *dominus* (господин). Позднее их называли также *bannerets*[26 - Перешло в английский язык в искаженной форме *baronet*.], потому что, чтобы собрать своих людей, они прикрепляли к концу своего копья четырехугольное знамя (*banniere*).

Еще ниже стоит вся масса древней знати – рыцари (французский *chevalier*, немецкий *Ritter*, английский *knight*, испанский *caballero*, латинский *miles*), владельцы одного поместья, которое, в зависимости от богатства страны, состоит из целого села или из части его. Почти каждый из них служит какому-нибудь крупному собственнику, от которого он получает поместье; они сопровождают его в походах, что однако не мешает им воевать и на свой риск. Их называют иногда *bacheliers*, в Ломбардии – *vavasseurs*. Встречается и меткое название *miles unius scuti*, что означает – воин об одном щите, то есть рыцарь, не имеющий в своем распоряжении другого воина.

На последней ступени лестницы стоят оруженосцы. Первоначально – простые военные слуги рыцаря, они становятся потом владельцами некоторого количества земли (равного тому, что мы теперь называем крупным поместьем) и в XIII в. живут господами среди своих держателей. В Германии их называют *Edelknecht* (благородный слуга), в Англии – *squire* (испорченное *escuyer* – щитоносец), в Испании – *infanzon*. Они-то в XIII в. будут составлять массу дворянства, и в последующие столетия горожанин, возведенный в дворянство, будет гордиться титулом оруженосца.

Таким образом, можно различать четыре ступени, которые в общих чертах соответствуют современным военным чинам: князья, герцоги и графы – наши генералы, бароны – капитаны, рыцари – солдаты, оруженосцы – прислуга. Но в этой странной армии, состоящей из воюющих друг с другом отрядов, где ранг определяется богатством, совместная жизнь в конце концов настолько смягчает неравенства, что все, от генерала до слуги, начинают чувствовать себя членами одного и того же класса. Тогда дворянство окончательно складывается и тогда

же оно окончательно замыкается и изолируется.

В XIII в. привыкают строго различать две категории людей: дворян, или благородных (*gentilshommes*), и недворян, которых во Франции называют *hommes coutumiers* (людьми обычая, *coutume'a*) или *homme de poste* (то есть *potestatis* – подвластными людьми); название *roturier* (разночинец) не употребляется в Средние века. Эти категории становятся строго наследственными. Дворянские семьи отказываются вступать в родство с потомками недворянских фамилий. Тот, кто не родился от дворянина, не может сделаться рыцарем, даже если он достаточно богат, чтобы вести жизнь рыцаря; дочь недворянина не может выйти замуж за дворянина; тот, кто женится на ней, вступает в неравный брак и этим обесчещивает себя; дворянские семьи не будут принимать его супругу, и к его детям дворяне не будут относиться, как к равным себе. Эта наследственность, менее строгая в документах предшествующих столетий, становится потом преобладающей чертой общества и господствует вплоть до XVIII в. По мере того как различия между дворянами сглаживаются, дворянство все более отдаляется от остальной части нации. Прочнее всего дворянский дух утвердился во Франции и Германии. В Испании, и особенно на юге, он слабее, вследствие соприкосновения с богатым населением мавританских городов, в Италии и, может быть, также на юге Франции – из-за могущества купеческого класса. В Англии, где военные привычки рано исчезли, сквайр ничем не отличается от богатого крестьянина; здесь граница устанавливается гораздо выше – между лордами и остальной частью народа; привилегированный класс состоит лишь из высшей аристократии, которая очень малочисленна.

Рыцарство. Военное общество, образуемое рыцарями, имеет свои особые обычаи, которым все обязаны подчиняться. Обращаться с оружием рыцаря нелегко; поэтому прежде чем носить его, надо пройти учение. Носить это оружие есть честь; поэтому прежде чем возложить его на себя, надо быть объявленным достойным этой чести. Никто не рождается рыцарем: человек становится рыцарем в силу торжественного акта; сам король должен быть произведен в рыцари.

Всякий молодой дворянин начинает с того, что изучает ремесло военного человека: учится ездить верхом, владеть оружием, взбираться по лестнице. Но он может проходить выучку или в доме своего отца (особенно так делают сыновья знатных родителей), или у чужого человека (как, по-видимому, обычно и поступали). В большинстве случаев отец посылает своего сына к какому-нибудь

сеньору богаче себя, который принимает молодого человека на свою службу и кормит его; отсюда слово *pourri* (питомец), часто встречающееся в средневековых балладах (сеньор говорит: *mon pourri*).

Выучка сопровождается службой в качестве оруженосца, а с последней связана служба в качестве комнатного слуги, характерная для рыцарских нравов. Оруженосец помогает своему господину одеваться и раздеваться; он подает блюда и служит за столом; он делает постели. Эти услуги, которые древний человек считал унижительными и возлагал на своих рабов, становятся почетными в глазах средневекового дворянства (они были такими уже в глазах германцев; об этом упоминает Тацит).

В течение этого периода, который продолжается от пяти до семи лет, молодой дворянин, называющийся оруженосцем, или *damoiseau* (маленький господин), не имеет права носить оружие.

Когда он окончил свое учение – обычно между 18 и 20 годами, – если он достаточно богат, чтобы вести жизнь рыцаря, он вступает в рыцарское сословие посредством военного обряда, который описывают рыцарские поэмы.

Молодой человек, выкупавшись в ванне, надевает кольчугу и шлем. Рыцарь, иногда отец посвящаемого, но чаще – кормивший его сеньор, привешивает к его поясу меч, который он с этой минуты будет носить постоянно. Эта главная часть церемонии называется *adouber*. Обычно рыцарь сильно ударяет молодого человека кулаком по затылку; это называется *solee*. Затем новый рыцарь садится на коня, берет копье и на всем скаку поражает заранее приготовленное чучело; это называется *quintaine*. Такова процедура посвящения в рыцари в XII в.

Иногда она ограничивается даже одним актом – ударом по затылку: это делают тогда, когда хотят избежать расходов. Бомануар рассказывает об одном следствии, которое, чтобы считаться действительным, должно было быть произведено определенным числом рыцарей. Так как одного рыцаря не доставало, то некоего дворянина тут же посвятили в рыцари. Один из рыцарей ударил его и сказал: «Будь рыцарем».

Позже[27 - Известен итальянский обряд благословения шпаги, относящийся к концу XI в., но общепринятым этот обычай становится только в XIII столетии.] духовенство ввело обряды, превратившие рыцарское посвящение в сложную

религиозную церемонию. Молодой человек после поста проводил ночь, предшествовавшую посвящению, в молитве; это называлось *veillee d'armes*. Утром он присутствовал при обедне; шпагу клали на алтарь, как бы посвящая ее на служение Богу; священник благословлял ее, говоря: «Услышь, Господи, мои молитвы и благослови твоей всемогущей десницей этот меч, которым хочет препоясаться твой раб (такой-то)». Затем он произносил проповедь, в которой напоминал будущему рыцарю его обязанности по отношению к церкви, бедным и вдовам.

Для церемонии выбирали обычно или дни больших праздников, особенно Пасху и Троицу, или какой-нибудь исключительный случай, вроде бракосочетания или крещения принца, или даже момент сражения. Тогда сразу посвящали целую толпу новых рыцарей.

Только богатые становились рыцарями. Бедные дворяне избегали издержек на церемонии и расходов рыцарской жизни: они оставались оруженосцами всю жизнь. Таким образом, существовали оруженосцы двух родов: одним недоставало лет, другим – средств, чтобы сделаться рыцарями. В Англии, где кавалерия была бесполезна, дворяне почти совершенно перестали принимать рыцарское посвящение и предпочитали оставаться сквайрами.

Башни, замки и дома. Дворянин Средних веков не только воин: он делает из своего жилища крепость. Уже крупные римские собственники иногда укрепляли свои деревенские дома; но общераспространенным этот обычай становится во Франции, по-видимому, только в X в.

Из старинных укреплений этого времени ни одного не уцелело. Мы знаем их только по очень малочисленным развалинам и по намекам, встречающимся у писателей. По-видимому, эти укрепления (*fertes*, то есть *firmities*) строились исключительно из дерева и земли. Вокруг того места, на котором хотели строить, выкапывали широкий и глубокий ров; земля, выброшенная из него внутрь, образовывала искусственный холм (*lamotte*); вокруг последнего вбивали четырехугольные брусья и крепко связывали их друг с другом, так что составлялся непрерывный частокол, который часто укрепляли деревянными башнями, на известном расстоянии одна от другой. В этой ограде возводили из дерева постройки, служившие помещениями для прислуги, конюшнями, амбарами и кладовыми. Над ними возвышалась огромная квадратная деревянная башня, которую в случае осады покрывали снаружи только что содранными шкурами животных, чтобы обезопасить ее от пожара: это был

donjon (dominium), то есть дом господина. Дверь открывалась несколько выше земли; в нее можно было войти только по дощатой лестнице, которая вела через ров в поле. Так строились башни на севере в X в.

На юге землю и дерево заменяли камнем. По образцу римских укрепленных поселений (castra), здесь строили толстые стены и квадратные башни из камня. Этот обычай господствовал в Европе около XII в. Позже четырехугольные башни и прямые углы были заменены круглыми башнями и округленными углами, более удобными для защиты. Эти сооружения сохранили латинское название castellum (уменьшительное от castra); на юге они назывались castel, на севере Cateau, по-английски – castle. Их часто называли также Plessis (palissade).

Замок (Chateau) состоит из целого ряда укреплений. Он построен на крутом холме, скалистом мысе или искусственном возвышении, так что господствует над окрестностью. Он всегда изолирован – или непрерывным рвом, который, если возможно, наполняют водой, или, по крайней мере, траншеей со стороны горы. На каждом шагу устраивали препятствия. Идя с поля, натыкаешься прежде всего на barbacane (изобретенный в XIII столетии), укрепление, находящееся еще вне рва. Затем следует ров, чаще всего наполненный водой. За рвом возвышается частокол. Позади частокола находится тропинка, идущая вокруг всей внешней стены ограды. Осажденные могут ходить кругом по верху, по дозорной дорожке, проложенной по толще стены. Метательные снаряды они бросают в промежутки между зубцами, называемые creneaux (амбразуры). Они могут даже швырять камни, лить растопленную смолу или кипящее масло сквозь галереи, в которых прорезана щель; эти галереи выходят за амбразуры, так что выдаются вперед дальше основания стены (до XIII в. они строились из дерева и назывались hourds; позже их заменили каменными machicoulis). Эта ограда защищает все строения.

Чтобы пройти в ограду в мирное время, переходят через ров, но уже не по помосту, а по подъемному мосту, который висит на цепях и поднимается, когда надо прекратить сообщение. Затем приходишь к массивным воротам, защищенным запором, а позже – железной решеткой, которую достаточно опустить, чтобы преградить доступ внутрь. Пройдя сводчатые ворота, охраняемые привратником, попадаешь, наконец, в задний двор, окруженный строениями (амбарами, кладовыми, часовней, кухней, службами). В некоторых больших замках этот двор представляет целое селение. Здесь во время войны укрываются окрестные держатели со своим скотом и движимостью.

Главным зданием является по-прежнему donjon, обратившийся в колоссальную трех- или четырехэтажную башню; к дверям ведет каменное крыльцо. Башня Божанси была 40 метров в высоту и 24 в диаметре, башня Куси – 64 метра и 31 в диаметре. Здесь живет господин; здесь находятся его «большой зал», в котором он принимает приглашенных[28 - Очень знатные сеньоры имеют иногда специальную гостиную вне башни – palais (нем. Pallas).], его комната, комнаты его семейства, его сокровищница, в подвальном этаже – его тюрьма (chartre), темная, сырая, грязная, куда узников спускают по трапу или на веревке, на верхушке башни – помещение для караульного, который наблюдает за окрестностями. В башне сеньор может защищаться даже тогда, когда неприятель уже проник за ограду.

Эти укрепления сделались во всей Европе жилищами сеньоров, так что слово «замок» (Chateau) до сих пор сохранило значение роскошного жилища. Но расходы, каких требовала постройка этих массивных сооружений, были по силам только богатому человеку. Поэтому вначале замками обладали только владельцы небольших городов или большого числа деревень, так что в некоторых странах позже называли кастелянством (chatellenie) территорию, состоявшую из целой группы деревень, зависевших от одного и того же замка. Число замков возрастало с увеличением богатства; но никогда, до самого конца Средних веков, оно не было равно числу рыцарей.

Менее богатые дворяне довольствовались крепким домом с толстыми стенами, массивной дверью, иногда защищенной бойницей, с высоко прорезанными окнами. Это – manoir (от manere – жить), достаточный для отражения внезапного нападения. Дворяне, живущие в городах, – а таких дворян много, особенно в Италии, Испании и на юге Франции, – строят себе там крепкие дома, похожие на деревенские manoirs.

Башни, замки и укрепленные дома имеют толстые и высокие стены, витые лестницы, освещенные бойницами, сырые и полутемные комнаты, куда дневной свет проникает только через узкие отверстия. Это крепости, а не уютные жилища. В них мрачно, особенно в зимние вечера. В хорошую погоду обитатели предпочитают проводить время в саду, что за оградой.

Один ученый, влюбленный в Средние века[29 - Leon Gautier, La Chevalerie.], попытался составить список удовольствий, которыми мог пользоваться сеньор. Их, оказывается, пятнадцать, а именно: охотиться, ловить рыбу, фехтовать, биться на копьях, играть в шахматы, есть и пить, слушать пение жонглёров,

смотреть на бой медведей, принимать гостей, беседовать с дамами, устраивать торжественные собрания вассалов, гулять по лугам, греться, ставить себе банки и пускать кровь, смотреть, как падает снег. Однако эти удовольствия не удерживают дворян дома. При первой возможности они уезжают ко двору короля или князя и не останавливаются даже перед далекими путешествиями. Насколько крестьянин – домосед, настолько же дворянин охоч до переездов. Но они сохраняют связь с землей: это их замок или дом. Они принимают его имя; в XII в. почти все имена дворянских фамилий суть названия поместий (Bouchard de Montmorency, Enquerrand de Coucy[30 - Эти имена имеют при себе, конечно, предлог; отсюда предрассудок, будто «частица», как ее называют (de в романских языках, von в немецком), есть признак знатности. Это двойная ошибка: даже в XVI в. существуют рыцари, носящие только фамильное имя, и, наоборот, – тысячи недворян, носящих имя по поместью или деревне.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Жители городов (bourgeois) составляют, начиная с конца XI в., особый класс, средний между крестьянством и знатью. Но города возникают уже после установления феодального порядка и даже содействуют его уничтожению, поэтому их можно оставить в стороне.

2

Наиболее употребительное мясо в ту эпоху – свинина; лес (дубовый) рассматривается главным образом как пастбище для свиней. Так было даже еще в XVIII в. в Хорватии и Сербии.

3

Слово *mansa* – латинского происхождения и первоначально обозначало, вероятно, дом (*manere*). В диалектах юга оно превратилось в *mas*: от уменьшительной формы произошли так часто встречающиеся на юге имена *Mazel*, *Mazet*.

4

Отсюда имена *Coulanges*, *Coullonche*.

5

По-немецки двор и дом обозначаются одним и тем же словом *Hof*.

6

По-немецки такой крестьянин называется *Vollbauer* (полный хлебопашец).

7

В Германии названия сел, устроившихся на месте расчищенного леса, кончаются словом *rode*, или *roda*, что значит сечь (*Wemigerode, Orterode, Friedrichsroda*).

8

Мы не хотим сказать, что в Средние века не было рабов, исполнявших роль домашней прислуги, но их было очень мало, и здесь, где мы говорим о крепостных, нам нет надобности касаться положения челяди.

9

Пресловутое «сеньориальное право», возбуждавшее столько жестоких споров между панегиристами и хулителями Средних веков, относится, без сомнения, к рабству. В той форме, в какой его прославила популярная литература, оно упоминается очень редко, притом лишь в документах ранней эпохи, допускающих, вдобавок, противоположные толкования.

10

Выражение «*serf de la glebe*», которым в обыденной речи часто обозначают средневековых крепостных, в документах не встречается.

11

В Германии крепостные назывались *leibeigen*.

12

Другие источники рабства – война, судебные приговоры, дарение – жертвование на церковь, точно так же, как и *colliberti* (совместно отпущенные на волю), имели слишком ничтожное практическое значение, чтобы заслуживать чего-нибудь больше простого упоминания.

13

То есть без всякого другого ограничения, кроме милосердия господина.

14

Кроме обычной подати, господин взимает иногда чрезвычайный налог, именно в известных исключительных случаях, например при выдаче замуж дочери.

15

Воск был нужен для выделки церковных свечей и печатей, которые привешивались к официальным документам. Поэтому ульи были в Средние века гораздо более многочисленны, чем теперь.

16

Наиболее спорный вопрос заключается в том, действовал ли сеньор в этих случаях по праву собственника или в силу какого-нибудь общественного права,

законного (то есть утвержденного сувереном) либо присвоенного путем захвата.

17

Ученые расходятся во взглядах, принадлежали ли леса и пастбища искони собственнику, который только уступал держателям пользование ими, или они раньше были общественной собственностью и впоследствии были захвачены сеньором. Последний взгляд связан с общей теорией, которая сводит первобытный строй всей Европы к господству коллективной собственности. Он не опирается ни на один документ и был оспариваем Фюстелем де Куланжем.

18

Начиная с XV в. юристы перестали понимать социальную организацию Средних веков и содействовали тому, что по вопросу о происхождении правовых норм скопилось множество предрассудков, сводом которых является книга *Championniere. Traite sur la proprietd des eaux courantes*, 1846.

19

Во французский язык это слово перешло в форме *escoutete*.

20

Встречаются также (особенно в XII в.) фермеры и арендаторы временные, подобно нашим, но это исключительное явление.

21

На гобелене из Байо, сделанном несколько лет спустя после завоевания Англии (1066 г.), большинство рыцарей изображены в бронях, но на некоторых уже кольчуги.

22

Наносник исчез к концу XII столетия.

23

С правой стороны, отсюда название *dextrier*.

24

Ниже мы увидим, как разнообразны были способы, которыми дворянин мог сделаться владельцем имения.

25

Sire — именительный падеж, *signeur* — винительный.

26

Перешло в английский язык в искаженной форме baronet.

27

Известен итальянский обряд благословения шпаги, относящийся к концу XI в., но общепринятым этот обычай становится только в XIII столетии.

28

Очень знатные сеньоры имеют иногда специальную гостиную вне башни – palais (нем. Pallas).

29

Leon Gautier, La Chevalerie.

30

Эти имена имеют при себе, конечно, предлог; отсюда предрассудок, будто «частица», как ее называют (de в романских языках, von в немецком), есть признак знатности. Это двойная ошибка: даже в XVI в. существуют рыцари, носящие только фамильное имя, и, наоборот, – тысячи недворян, носящих имя по поместью или деревне.

Купить: https://tellnovel.com/ru/laviss_ernest/evropa-ot-karla-velikogo-do-krestovyh-pohodov-obschestvo-kul-tura-religiya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)